

ДИН ЛЕЙПЕК

ВЕРОНИКА
СТЕЙНБРИДЖ
ПОКИДАЕТ
ЗОНУ
БЕЗОПАСНОСТИ

Дин Лейпек

**Вероника Стейнбридж
покидает Зону Безопасности**

«1С-Публишинг»

2020

Лейпек Д.

Вероника Стейнбридж покидает Зону Безопасности /
Д. Лейпек — «1С-Публишинг», 2020

ISBN 978-5-00-514597-0

Героиня живёт в Зоне безопасности. Это мир под куполом для людей, которые не выносят ультрафиолетовое излучение солнца. Чтобы не было конфликтов, все проживают только с людьми того же пола, что и они, а регулярный приём специальных препаратов подавляет половое влечение. От депрессии тоже предусмотрены таблетки, а ещё – группы поддержки, которые всегда помогут, да и у каждого есть свой куратор. А что же находится за пределами Зоны безопасности? Возможно, живой лес, который так настойчиво рисует героиня на своих картинах.

ISBN 978-5-00-514597-0

© Лейпек Д., 2020
© 1С-Публишинг, 2020

Содержание

I		5
	1	6
	2	8
	3	9
	4	11
	5	12
	6	14
	7	15
	8	16
	9	17
	10	18
	11	20
II		22
	1	22
	2	24
	3	25
	Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дин Лейпек Вероника Стейнбридж покидает зону безопасности

I

* * *

Девушку привезли в участок в районе трех. Я столкнулся с ней в коридоре – она шла вслед за Самантой, и из-за широкой спины детектива худенькую фигурку было почти не видеть. Бросил коллеге приветствие, на звук моего голоса девушка вскинула голову и вздрогнула, а на меня уставились гигантские темные глаза. Будто в душу заглянули и царапнули чем-то острым. Всего на секунду мы с ней встретились взглядами, а я еще долго вспоминал эти глазищи.

Потом, когда она уходила из кабинета, я выглянул из-за перегородки. Девушка ссутулила узкие плечи, словно пытаясь стать вовсе невидимой – и у нее, может, получилось бы, если бы не волосы, слишком темные на фоне белых стен.

Саманта остановилась рядом со мной, проводила девушку взглядом.

– Гетеро, – буркнула коротко, будто сплюнула. – Еще и супрессивы не пьет. Я бы их отлавливала и силком на таблетки сажала. Знаешь, что она на допросе устроила?

– Ну, так и мы с тобой не «глушимся», – пожал плечами я, игнорируя вопрос. Не люблю сплетни.

– У нас работа такая, – новый плевок слов. – И мы – нормальной ориентации.

На этот раз я просто промолчал. Саманта своих отношений с девушками не стеснялась. Я – стеснялся.

Потому что тоже предпочитал девушек.

1

Все вокруг – белое. Постель, стены, светильники, шторы – все сияет, солнечные лучи отражаются в тысяче направлений, наполняя комнату светом. Этим лучам так много, что кажется, будто сам воздух становится плотнее, будто свет можно загребать пригоршнями и щедро плескать себе в лицо, щурясь от ярких брызг.

Так выглядит комната Вероники, если утро выдалось ясным. Конечно, она живет здесь не одна – но Софи обычно видит комнату совсем по-другому. Очки дополненной реальности накладывают цвет на стены, покрывают рисунком постельное белье и шторы, так что интерьер меняется до неузнаваемости. Только пол остается неизменным – деревянная текстура не дает очкам наложить на нее искусственный паттерн. Софи это раздражает, но Вероника настояла во время ремонта, чтобы пол был натуральным. Она любит ощущение шероховатого тепла под босыми ступнями, любит смотреть, как солнце окрашивает доски в невероятный желтый цвет. Софи не любит солнце. Но очки исправляют и это, корректируют экспозицию, убирая яркие блики и резкие черные тени. Все, что видит Софи – мягкий свет, струящийся из окна и подсвечивающий стены цвета мяты. Только тепло, которое касается кожи вместе с солнечными лучами, нельзя смягчить очками – но тонкий термокостюм защищает все тело от резких перепадов температуры. Софи всегда носит термокостюм – это удобно. Софи любит все, что удобно.

Вероника сидит на кровати и смотрит в окно. Март, ветер раздирает воздух и мчится на север, облака протирают небосвод до немыслимой голубизны. В такие дни Вероника думает о том, каково это – жить на природе. Она знает, что многие за пределами Зоны смотрят на небо не через тонкий пласт фильтрующего стекла, дышат воздухом, не пропущенным через системы климат-контроля – и не может себе этого представить. Вероника видела лес только в фильмах, и еще один раз вдыхала его запах на арома-шоу. С тех пор она мечтает попасть в такой лес, но в Зоне Безопасности ничего похожего нет. Вся Зона – это город.

Из кухни доносятся звон, шум воды и резкий треск блендера – Софи готовит завтрак. Вероника тоже любит готовить, но Софи пускает ее к плите только по вечерам, когда можно потратить лишнее время на творческие изыски. Софи ценит время. Вероника ценит творческие изыски.

Когда с кухни в комнату приходит запах кофе, смартфон приглушенно пищит – это Софи пищит, что пора есть. Софи не любит кричать – она предпочитает пробежаться пальцами по мини-клавиатуре на браслете и послать сообщение. «Отправлено», – высвечивается в углу экрана очков, пока на другом краю приложение получает данные от мультиварки о готовности омлета и сигнализирует о том, что пора доставать тосты. Очки не перекрывают обзор – всего лишь корректируют изображение, дополняя его полезными примечаниями приложений. На экран можно вывести картинку, и тогда стекла снаружи темнеют, но камера продолжает анализировать окружающий мир и всегда вовремя прерывает трансляцию.

Очки Софи черные – возможно, она просматривает почту, – но когда Вероника подходит и машет рукой, стекла светлеют, приобретая обычный тепло-коричневый оттенок.

– Доброе утро, – улыбается Вероника. Софи включает упрощенное сканирование здоровья – осматривает подругу, а приложение в это время измеряет пульс, давление и температуру тела. Визуальный анализ и датчики тепла и движения на расстоянии дают порой ошибочный результат, да и приложение – скорее игрушка для влюбленных, которые с его помощью пытаются уловить волнение или желание. Но Софи все равно сканирует Веронику – раз та отказывается носить очки и браслет, дающие точные показатели.

Вероника еле заметно морщится. Ее раздражает изучающий и одновременно чуть отстраненный взгляд Софи, пока та читает данные и сравнивает их со средним значением.

– Давление низкое, – заключает Софи и возвращается к плите. Вероника вздыхает и шутиливо отвечает:

– Пора в больницу?

Софи резко поворачивает голову. Веронику всегда удивляет, как Софи удается двигаться так быстро при ее маленьком росте и легкой полноте.

Коричневые стекла смотрят с осуждением.

– Не смешно, – строго замечает Софи. – Что, если ты действительно чем-нибудь больна? А ты даже не узнаешь об этом, потому что не носишь очки и браслет!

– Зачем мне очки, когда у меня есть ты, – мягко улыбается Вероника. Софи недовольно фыркает, но, как это ни странно, не продолжает тему. Веронике иногда кажется, что той нравится возможность опекать ее. Иначе Софи давно надела бы на нее очки и запаяла их намертво.

Завтрак проходит тихо. Стекла очков Софи снова темнеют – та просматривает новостную ленту. Вероника читает с экрана смартфона – удивительного допотопного прибора, который все еще производят за пределами Зоны. Экран небольшой – чуть меньше ее ладони, но буквы можно увеличить, и ее глаза быстро скользят по строкам, пока руки и рот заняты едой.

После завтрака Вероника прощается с Софи и идет на работу – фирма, разрабатывающая дизайн приложений для очков, расположена в нескольких кварталах от их дома. Туда легко можно доехать на трамвае, но сегодня Вероника предпочитает пройтись пешком. Солнце заливает улицы светом сквозь фильтрующее стекло, и многие сидят на скамейках, установленных посередине улицы между Городскими Деревьями – сплошными стенами специального мха. Вероника читала, что одно Дерево вырабатывает столько же кислорода, сколько двести семьдесят пять обычных деревьев, растущих в лесах за пределами Зоны. Вероника пытается представить себе эти деревья вместо Городских. Она видит величественные ветви, прорастающие внутрь квартир, толстые стволы, преграждающие путь трамваю, который мчится на уровне вторых этажей, пробегая росчерком тени по пыльной поверхности стекла. Лес заполняет все улицы, деревья пронзают стекло, а свет становится зеленым, пытаюсь пробиться сквозь густые кроны.

Когда Вероника приходит на работу, ей кажется, что ее одежда пахнет хвоей и смолой.

2

Жизнь Вероники делится на три части: дом, офис и студия.

Дом, крохотная однокомнатная квартирка, которую они снимают на пару с Софи, пахнет чистотой, он белый и правильный. Здесь Вероника редко разговаривает и часто мечтает.

В офисе много стекла и больших экранов. Вероника работает художником-оператором – отбирает из сгенерированных компьютером паттернов те, что лучше всего соответствуют последним модным трендам. Изображения, одобренные ею, отправляются в библиотеки приложений – после чего пользователи очков могут применить их к постельному белью, обоям, одежде, посуде – к любым предметам белого цвета. Иногда Софи показывает Веронике выбранный ею рисунок, и та узнает его. Тогда она счастливо улыбается, хотя в этот момент на ней ненавистные очки.

На работе Вероника молчит почти всегда. У нее есть несколько знакомых, но Вероника не ходит с ними обедать – она предпочитает перекусить на скамейке под деревом, читая со смартфона новости или книгу.

Студия – светлая, пыльная, заставленная подрамниками с натянутым холстом. Часть из них – картины Вероники, другие пустуют, ожидая своего часа. Она всегда покупает холсты самого разного размера, поскольку никогда не знает заранее, какой понадобится для следующей работы. В студии Вероника много говорит – она рассказывает картинам о том, что видела. Картины понимающе молчат.

Сегодня она сняла с мольберта недописанное полотно и поставила чистый холст. Вероника рассказывает картинам о лесе – а под кистью деревья тянут ветви вверх, и солнечные лучи цепляются за них, рассыпаясь на яркие полосы.

3

Вероника набрела на магазинчик старой техники в центре города, недалеко от своей студии. Там было много таких заведений – секонд-хенды, продающие ее любимую одежду из настоящего хлопка, натуральной шерсти и даже льна, художественные лавки с гуашью и кистями из белки и щетины, небольшие рынки с продуктами, произведенными за пределами Зоны. «Помидоры, согретые солнцем», – прочитала однажды Вероника надпись на лотке. Продавец, высокий мужчина с роскошными черными усами, приглашающе улыбнулся, и Веронике показалось, что солнце и его одарило своим теплом, навсегда поселившись в улыбке так же, как в красных боках помидоров. Она купила фунт и принесла домой. Софи страшно ругалась. Прочитала длинную лекцию о том, какие болезни могут содержаться в овощах и фруктах, выращенных «там». Вероника не спорила и молча смотрела, как Софи выбрасывает три пятна красного солнца в измельчитель пищевого мусора, а тот заглатывает их с мягким чавкающим звуком. С тех пор Вероника никогда не приносила продукты с рынка домой – съедала их у себя в студии, и запах помидоров, соленого мягкого сыра и винограда смешивался с запахом краски, а сок впитывался в кожу пальцев вместе с растворителем.

Смартфоны продавали на соседней с рынком улице вместе с ноутбуками, проводными наушниками и блоками питания. Магазин пользовался большим спросом у тех, кто приезжал в Зону из штатов – здесь можно было починить почти любую электронику и, к тому же, настроить ее так, чтобы она работала с Сетью и приложениями Зоны. Вероника зашла в него из чистого любопытства – выставленные на витрине старые мониторы, клавиатуры, массивные карты памяти, называемые «жесткими дисками», и мотки толстых черных проводов напомнили ей старые фильмы о завоевании человечества машинами. Внутри было очень тесно, пахло разогретым пластиком и мужским потом.

– Привет, – поздоровался один из парней, стоявших за стойкой. Второй сидел в дальнем углу магазина и на коленке раскручивал какое-то устройство. – Чем я могу вам помочь?

Вероника смутилась. Она всегда чувствовала себя неловко, когда продавцы в магазине обращались так. Даже когда ей действительно нужно было что-нибудь купить, она предпочитала сама по несколько часов перелопачивать ненужные вещи, чтобы в конце концов найти ту, которая «посмотрит» на нее, скажет ей: «Да, это именно меня ты искала так долго». Вероника хорошо умела слышать, что ей говорят вещи. И была далеко не уверена, умеют ли продавцы делать это.

– Я просто... зашла, – ответила она и слегка улыбнулась, подчеркивая исключительную несерьезность своих намерений.

– А, – кивнул парень, как будто понимая, что она хочет этим сказать. – Тогда осматривайтесь. Позовите, если нужна будет помощь.

Вероника кивнула и даже слегка расправила плечи, невольно ссутулившись при первом обращении консультанта. Пошла вдоль стоек, внимательно изучая все ценники, и даже попыталась сыграть сама с собой в игру – сможет ли она угадать назначение того или иного предмета. К сожалению, на ценниках не было подробного описания, как у экспонатов в музее, а спрашивать продавцов Вероника не хотела – поэтому и узнать, выиграла она или проиграла, не могла.

У одной из стоек Вероника задержалась. Прямоугольный кусок черного стекла удивил ее отсутствием каких-либо кнопок и даже отверстий. Этим он напоминал очки дополненной реальности – те тоже выглядели монолитными, особенно когда стекла темнели. Но форма «виар» подсказывала их функцию, пусть и не рассказывала обо всех возможностях. Прямоугольный кусок стекла загадочно блестел в свете ламп, но ничего о себе не говорил.

– Заинтересовались смартфоном? – раздался голос продавца. Вероника снова ссутулилась – но любопытство все же заставило ее обернуться и спросить:

– Как вы назвали это?

Парень слегка усмехнулся – видимо, понимая, что продавать ему придется не набор характеристик, а само явление, совсем не знакомое худенькой девушке в старомодном пальто. Он вышел из-за стойки.

– Смартфон. Люди использовали их до того, как в моду вошли очки.

– А что он делает? – Веронике стало еще интереснее.

– Да все то же самое. Звонки, сообщения, выход в Сеть, просмотр фильмов... Все, что могут делать очки, только не надевается на глаза. И клавиатура у него встроенная.

Вероника заворуженно смотрела на кусок стекла. «Все то же самое, только не надевается на глаза» – это была ее мечта. Она терпеть не могла очки – ей казалось, что стекла отрезали ее от внешнего мира, а различные всплывающие надписи отвлекали и сбивали с толку. Вероника старалась носить их как можно реже – и потому часто получала нагоняй от Софи.

– Я возьму его, – не думая, выдохнула она.

Продавец кивнул и снял со стенда кусок стекла. Спустя полчаса он показывал Веронике, как пользоваться устройством – а уже через час на экране Софи высветилось сообщение:

«Я пишу тебе сейчас без очков и браслета».

4

Они жили вместе уже третий год. Вероника познакомилась с Софи на открытии мультимедийной выставки – в лиловом свете световых инсталляций серьезное лицо Софи казалось мистическим, отстраненным. Она спросила у Вероники, правильно ли поняла название одного из арт-объектов, а та привела автора – свою подругу по колледжу. До конца вечера они втроем говорили об искусстве, технологиях, модной методике светозвукового воздействия... Софи работала в агентстве по подбору персонала, но не пропускала ни одной выставки и, когда рассказывала о своих впечатлениях, всегда вставляла в рассказ пару-тройку сложных терминов. Вероника сама в этот момент изучала цифровое искусство в университете, но с удовольствием слушала рассудительные замечания Софи.

Они добавили друг друга в друзья, а спустя два месяца Вероника увидела запись Софи с предложением совместной аренды квартиры. Она тогда жила почти у самой границы Зоны и с удовольствием переехала вместе с Софи в центр, где на улицах стояли Городские деревья, а на трамвае можно было за десять минут добраться до Парка. Квартира была на предпоследнем, одиннадцатом этаже, маленькая и обшарпанная – Вероника и Софи выкинули оставшийся от прежних жильцов хлам, перекрасили стены и постелили новый пол. Договор городской аренды позволял им сделать косметический ремонт и получить скидку.

В небольшой спальне стояли две одинаковые кровати. Правая половина стенового шкафа пестрела разномастной одеждой Вероники, слева висели белые термостюмы Софи. У стола на кухне стояли два стула и табурет – для случайного гостя, заскочившего к ним на чашечку кофе. Софи не пила. В студии Вероники хранились бутылки вина и несколько бокалов – иногда друзья из колледжа заглядывали к ней вечером. После таких посиделок она приходила домой поздно – Софи уже спала, и Вероника в темноте пробиралась наощупь к своей постели, перебирая пальцами по гладким стенам. Утром ее будил шум посуды на кухне и запах кофе, а разбросанная одежда на полу пахла краской и влажной пылью убранных ночью улиц. Тогда Вероника быстро выскальзывала из-под одеяла и натягивала на голое тело длинный старый шерстяной свитер. На кухне Софи молча передавала ей чашку, и закатанные рукава свитера кололи нежную кожу с внутренней стороны предплечья, когда Вероника брала теплый стеклопластик в руки. Она пила кофе и смотрела в окно – Софи работала и молчала, пока, наконец, из волос Вероники не выветривался запах короткого сна. Тогда Софи поднимала на нее коричневые стекла и говорила сухо:

– Ты расскажешь об этом в группе?

– Конечно, – отвечала Вероника, задумчиво проводя пальцами по шраму у себя на виске.

5

Вероника подавила очередной зевок. Альберт продолжал монотонно бубнить, и она на автомате записывала ключевые слова его рассказа, чтобы потом по справочнику перейти к нужным наводящим вопросам. «Узнай себя» – приложение, по которому работала их группа, – предполагало, что требуется задать не менее пятнадцати вопросов, чтобы дойти до сути проблемы.

Голос Альберта усыплял. Вероника устала на стол, отмечая про себя коричневое пятно то ли чая, то ли кофе, расплывшееся на обшарпанном пластике.

В группах психологической взаимопомощи состояли почти все жители Зоны. Далеко не каждый мог позволить себе личного психотерапевта – а работодатели часто спрашивали справку о прохождении профилактических бесед. Поэтому жители объединялись и с помощью специально разработанных справочников беседовали друг с другом, составляя отчеты, которые затем можно было предоставить по месту требования. Каждый участник платил организационные взносы, приложение списывало определенную сумму при получении отчета. Деньги шли на содержание помещений – считалось, что для наилучшего результата необходимо «живое» общение. Участники разбивались на пары по кругу таким образом, чтобы каждый работал терапевтом для следующего за ним. Они менялись каждую неделю – один вторник Вероника со скучающим видом выслушивала Альберта, а на другой пересказывала Эмили события своей однообразной жизни.

Альберт замолчал и уставился на Веронику из-под низкого лба. Она глубоко вздохнула и попробовала ободряюще улыбнуться.

– Почему тебе кажется, что Саймон не слышит тебя?

– Потому что он ничего мне не отвечает! – буркнул Альберт. Ответ был слишком прямолинейным и логичным, чтобы раскрывающий тонкости психологии справочник мог подсказать дальнейший план действий. Вероника в растерянности полистала страницы, затем выключила экран смартфона и посмотрела на Альберта.

– Попробуй писать ему.

– Что?

– Отправляй ему сообщения через очки. Саймон ведь все время что-то смотрит через них.

– Да, эту дрянь...

– Отлично, – перебила Вероника, не желавшая снова выслушивать жалобы Альберта на видео, которые смотрел его друг. – Пиши сообщения – уведомления будут отвлекать его, и в конце концов он обратит на тебя внимание.

Альберт недоверчиво нахмурился.

– Разве ты не должна задать мне еще девять вопросов, чтобы заполнить отчет?

– Альберт, – вздохнула Вероника, – тебе нужен отчет или совет, как решить проблему с Саймоном?

Ее «пациент» явно колебался.

– А для отчета я что-нибудь сочиню, идет? – Вероника подмигнула ему. Альберт неуверенно улыбнулся и кивнул.

После группы, когда они не спеша шли по теплой ночной улице, отдающей в воздух воспоминания о прошедшем дне, Софи спросила:

– Как сегодня было с Альбертом?

– Хорошо. Рассказать?

– Нет. Ты же знаешь правила.

– Знаю, – кивнула Вероника и взяла Софи за руку. Та коротко сжала ее пальцы – и тут же отняла ладонь.

Вероника вздохнула и спряла руки в карманы, чтобы согреть их.

6

Они пришли в группу вдвоем – так обычно делали пары, но Марко и Тим по всем приметам парой не были. Вероника давно научилась различать их – тех, кто *жил* вместе, и тех, кто *был* вместе.

И беспокойно отводила взгляд, видя отражение себя с Софи в витринах магазинов.

Марко смущал ее. Бледный, как большая часть уроженцев Зоны, но с очень темными волосами, он излучал враждебную, чуждую Веронике энергию – будто громадная волна вдруг поднималась над поверхностью ее тихого моря, готовая захлестнуть и разрушить все на своем пути. Он был щегольски одет – не в термोकостюм вроде тех, что носила Софи, но и не в винтажное старье, как у Вероники. Его брюки и пиджак были ослепительно белыми, сшитыми из особенной синтетики – ткань выглядела, как шелк, но обладала всеми свойствами «умного» текстиля термोकостюмов.

Марко смотрел надменно, свысока – помогал ли ему в этом рост или костюм, Вероника понять не могла.

Тим... Он прятал глаза за стеклами очков – обычных, с диоптриями, которые жители Зоны давно уже не носили, поскольку «виар» компенсировали любые проблемы со зрением. Одно это выдавало в нем уроженца штатов, а свободный джемпер и простые джинсы лишь усиливали эффект.

Но главным признаком, конечно, была его кожа. Загорелая кожа человека, который родился и вырос вне Зоны. Без купола.

Под солнцем.

7

Вероника не помнила, как начала создаваться Зона – она была из второго поколения «чистых» детей. Еще за несколько лет до ее рождения часть центра стала полностью пешеходной, а на многих улицах пустили скоростной трамвай. Когда же повышенная фоточувствительность у «чистых» была официально подтверждена, в дело вступили правила толерантности и доступной среды. Если город приспособлен для глухих и слепых, для людей на колясках и с биопротезами – почему «чистые» дети должны сидеть дома?

И постепенно город начал обрастать стеклом. Сто ярдов безопасной зоны. Миля. Пять миль. Все чаще трамвай проезжал над зеркальной поверхностью защищенных от солнца улиц, и яркий отраженный свет ударял по глазам в бесплодной попытке дотянуться, достать своим разрушительным теплом.

Но «чистые» дети были в безопасности – за окном трамвая, под прозрачной кровлей улиц, в белом безмолвии квартир. Вокруг них был прохладный, пропущенный через фильтры воздух, и солнце приятно согревало бледную, почти белую кожу, не обжигая безжалостным ультрафиолетом.

Парк накрыли куполом, когда Вероника и Софи уже жили вместе. Это был их праздник, их маленькая победа – Софи тоже была из «чистых». И теперь город принадлежал им. Это была Зона Безопасности, столица «чистых» детей, центр современного мира.

Во всяком случае, именно это говорила Софи, когда они с Вероникой вместе с тысячами других горожан сидели на газоне в Парке, превращенном в самую большую в мире оранжерею.

Вероника смотрела на огромный купол над головой и пыталась представить, каково это – стоять под открытым небом.

8

Когда Тим сел за стол напротив, скрестив и вытянув длинные ноги, Вероника невольно ссутулила плечи и чуть-чуть отодвинулась назад. Терапия Альберта всегда вгоняла ее в тоску – но там Вероника хотя бы знала, что нужно делать. Его проблемы были знакомыми, давно известными, и она привычно расспрашивала про Саймона и работу, проблемы со здоровьем и ночные кошмары. Альберт был *понятным*.

Тим начинался с очков – Вероника видела за ними прищуренные в улыбке серые глаза одновременно со своим отражением в стеклах, и все не могла понять, кого из двоих она видит? Но и дальше, за полупрозрачной стеной, были новые и новые стены. Улыбка – с какой стати ему улыбаться, сидя напротив незнакомого человека в группе поддержки? Все остальные во время сеансов были убийственно серьезны – в конце концов, они говорили о своих проблемах, страхах и неудачах. Тим улыбался – это означало, что у него нет проблем? Что он несерьезно к ним относится? Что не хочет о них говорить? Зачем тогда он пришел сюда? Его притащил Марко, как саму Веронику приводила Софи?

Тим откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу – и внезапно перестал улыбаться. Как будто его лицо выключили – даже стекла очков словно потемнели. «Может, они все же «виар»?» – подумала Вероника.

– Вы должны задавать мне вопросы, верно? – спросил он немного резко.

Вероника вздрогнула, опустила взгляд и потянулась к смартфону, чтобы включить приложение.

– Хотя можете и не задавать, – внезапно весело заметил Тим.

Вероника вскинула на него глаза. Он снова улыбался.

Она еще немного отодвинулась назад.

– Давайте я вам все расскажу сам. Этого будет достаточно, верно?

– Достаточно для чего? – глухо уточнила Вероника.

– Для отчета! – радостно воскликнул он.

– А, – Вероника слегка расправила плечи. Вот зачем Тим, а возможно, и Марко, пришли сюда. Им просто нужен был отчет – для работодателя или владельцев жилья – это уже было не важно. Просто отчет. Пятнадцать вопросов из «Узнай себя», пятнадцать придуманных ответов – Вероника уже была мастером составления отчетов для Альберта. Написать подобный для Тима будет не сильно сложнее.

Хотя ей и казалось, что именно ему настоящая помощь не помешала бы.

9

Это всегда начиналось с живота – точнее, с желудка. Появлялось слабое, еле заметное чувство не то тошноты, не то голода. Едва ощутимое первое время, постепенно оно набирало силу, разрасталось внутри плотной пустотой – Вероника понимала, что это снова «оно», когда уже поздно было что-либо делать. Да и что? «Супрессивы» действовали только на опережение – принимать их постфактум, во время приступа, уже не имело смысла. И хотя каждый день Вероника тайком от Софи выбрасывала свои таблетки, в такие моменты она неизменно начинала об этом жалеть.

Когда каждую мышцу внутри будто сводило, желудок сжимался от внезапного спазма, а сердце бешено колотилось. Когда голова начинала кружиться, в ушах шумело, в глазах темнело... Вероника тут же написала своему боссу, чтобы отпроситься с работы. Пока ждала ответа, бездумно смотрела на паттерны на экране – а пустота внутри росла, ширилась, заполняла кончики пальцев, ноздри, корни волос, пупок, ступни, рот, глаза...

«Блинк!» Сообщение от начальника пришло в тот момент, когда тошнота уже перешла в сухие позывы, и Вероника сорвалась с места, побежала к выходу, пролетая серое полотно траволатора и легкие стеклянные двери, проскакивая между пешеходами, велосипедистами, скамейками и Городскими деревьями, гонимая тошнотворной пустотой и обессиливающим, выматывающим, необъяснимым желанием...

Чего-то.

Вероника никогда не понимала, чего именно хочет в такие моменты. Но хорошо знала, что может ей помочь.

10

«Спаркл» запретили еще до того, как Вероника появилась на свет – и в то же время начался настоящий подъем его популярности. Его называли «кокаином чистых детей», хотя «Спаркл» заменил не только этот наркотик. «Чистые» были новыми яппи – консьюмерские привычки предыдущей эпохи они заменили умеренностью, ответственностью и здоровьем. К тому же в Зоне не было неблагополучных районов и неблагополучных подростков. «Чистые» дети были рождены Зоной. Они не знали грехов и пороков предыдущих эпох.

Вместо этого у них был «Спаркл». Чистое удовольствие для «чистых» детей. Два миллиграмма абсолютного счастья. «Спаркл» был идеальным наркотиком для новых жителей Зоны, а статус запрещенного сделал его ультрапопулярным. Самый простой и красивый способ безответственно и невоздержанно рискнуть здоровьем.

И испытать самые невероятные ощущения в своей жизни.

Вероника хорошо помнила свой первый раз. Белая, чистая комната общежития колледжа и две ярко-рыжие таблетки на широкой мужской ладони – «Спаркл» принес Джейкоб. В комнате вокруг еще много народа – это лучшие ученики курса, самые примерные, успешные. Уравновешенные. Поэтому им разрешено не принимать «супрессивы» – поэтому они элита. И поэтому лишь они собрались здесь – «Спаркл» действует только на тех, чьи гормоны в порядке.

Вероника медленно протягивает руку, ее пальцы проводят по ладони Джейкоба, шершавой и теплой на ощупь. Таблетки пытаются выскочить, упасть на пол, потеряться на стерильной блестящей глади, но Вероника крепко сжимает их в кулаке, а затем быстро закидывает в рот. Слюну пропитывает горечь, но глоток прохладной воды спасает, и только в горле, а потом в груди легкое неприятное ощущение – Вероника чувствует, как таблетки опускаются все ниже по пищеводу.

Джейкоб улыбается, отходит и говорит:

– Десять минут.

Вероника начинает смотреть на часы – но тут завязывается разговор, она отвлекается, слушает других, улыбается их шуткам...

Громкий крик – все разом замолкают и оборачиваются к Веронике; ее глаза широко раскрыты, и она часто дышит, переводя взгляд с одного лица на другое, по кругу, пытаясь найти, за что бы зацепиться, ухватиться, удержаться, остаться здесь, в этом мире, целой, самой собой... Джейкоб и Лилиан одновременно подаются вперед – они хорошо знают, что сейчас происходит с Вероникой, и готовы помочь. Но для этого она сама должна выбрать – это они тоже знают, и потому ждут, замерев в шаге от нее. Белая комната становится калейдоскопом лиц, голова кружится, Вероника летит вниз с безумной высоты, хватается за воротник рубашки Джейкоба – всю жизнь потом она будет спрашивать себя: было ли это выбором или простой случайностью?

И всю жизнь потом будет молчать. Кроме десятерых отличников Колумбийского университета, никто никогда не узнает, что Вероника не только пробовала «Спаркл» – она еще и поцеловала мужчину. Они никогда больше не будут говорить об этом, Вероника никогда больше не останется в одной комнате с этими людьми.

Она запретит себе даже думать о «Спаркле», а когда это не получится, начнет принимать «супрессивы». Жизнь станет размеренной, спокойной, серой и однообразной. Вероника перейдет на факультет цифровой графики и успешно окончит университет со степенью бакалавра. Устроится на работу, снимет квартиру по программе помощи молодым специалистам. Год спустя по дороге домой она неудачно повернет руль велосипеда, упадет и разобьет голову об угол бетонного основания одного из Городских деревьев.

После трех дней комы Вероника увидела яркий свет над собой и темно-синюю ткань униформы медсестры. Пока та вводила препарат в капельницу, Вероника с удивлением рассмат-

ривала игру светотени на складках одежды, заключавших в себе бесконечное разнообразие и неповторимую гармонию. Выписавшись из госпиталя, она сняла студию в даун-тауне и перестала принимать «супрессивы». И через несколько месяцев позвонила Джейкобу – не могла придумать, кто еще мог знать, где достать «Спаркл». Он знал.

На этот раз Вероника не стала повторять ошибку – десять минут после приема таблеток она провела в полном одиночестве на полу студии. И хотя взорвавшаяся внутри вселенная точно так же застигла ее врасплох, Вероника знала, что наступившее после опустошение можно пережить. Она лежала, глотая слезы, ожидая, когда мир встанет на свои места, а бездонная пропасть окажется теплым и шершавым деревянным полом.

После этого Вероника написала первую картину из цикла, который она так и назвала потом – «Спаркл».

Многие подсаживались на него. Кто-то пытался соскочить при помощи недопустимых, немислимых отношений – несколько друзей Вероники жили в коммунах на окраине Зоны, где это никем не осуждалось. Кто-то глушил себя «супрессивами», как и она в свое время.

Но Веронике удалось быть умнее. В своей студии она создала собственный мир – отчасти вымышленный, наполненный фантазиями и едва уловимыми желаниями, что витали в воздухе вместе с подсвеченной солнцем пылью. Она приглашала друзей из коммун, и за бутылкой вина они смотрели ее картины, спорили о живописи, которая давно умерла, литературе, которая была при смерти, и киносерналах, на которые и оставалась вся надежда. Это были друзья, не принимавшие «Спаркл» – и Вероника старалась не обращать внимания на руку Джейкоба, лежащую на талии Маргарет, переводя взгляд на Лилиан с Хлоей. Уходя, Джейкоб всегда спрашивал: «Ты в порядке?», она всегда отвечала: «Да», но по ее глазам он безошибочно угадывал, когда нужно было оставить еще пару таблеток цвета спелого апельсина.

Возвратившись домой, Вероника в темноте пробиралась наощупь к своей постели, перебирая пальцами по гладким стенам. Утром ее будили шум посуды на кухне и запах кофе, а разбросанная одежда на полу пахла краской и влажной пылью убранных ночью улиц. Она натягивала на голое тело длинный старый шерстяной свитер, выходила на кухню и брала из рук Софи горячую чашку.

– Ты расскажешь об этом в группе?

– Конечно, – отвечала Вероника, зная, что расскажет только про вино и друзей. И ни слова о том, что было после.

Допив кофе, она ехала в студию – и писала новую картину.

11

Веронике повезло – в прошлый раз она удержалась, и потому пакетик со «Спарклом» так и остался лежать в шкатулке, спрятанной под коробками с красками в стенном шкафу. Значит, сейчас можно было не звонить Джейкобу, а поехать сразу в студию. Запереть дверь на два замка, дрожащими руками вывалить перепачканные коробки на пол, нащупать гладкий лакированный бок и маленький металлический замок, достать пакетик, добежать до кухни и прямо из-под крана запить две таблетки. Засечь время и обязательно сесть – однажды Вероника опрометчиво решила писать картину, ожидая действия «Спаркла». В результате она вернулась домой из госпиталя – при падении неудачно оперлась на руку и вывихнула запястье. Софи долго смотрела на бандаж, не произнося ни слова – то ли молча осуждая, то ли анализируя руку при помощи очков.

Поэтому сейчас Вероника забирается с ногами на старый продавленный диван, купленный за бесценок на онлайн-аукционе, и ждет. Сегодня нет радостного предвкушения, которое она испытывает порой – лишь надежда на скорое избавление от мучений. Так плохо ей еще не было никогда.

Спустя час Вероника, тихонько напевая, выдавливает краски на деревянную палитру, покрытую толстым слоем потемневших, перемешанных, забывших себя цветов. Кармин, охра, стронций, сиена...

Ее отвлек смартфон – в теплой тишине студии рингтон звучит чужеродно, почти враждебно.

– Вероника, ты где? – голос Софи оттеняет шум улицы: отдаленный шелест трамвая, разговоры пешеходов, звонки велосипедов...

Вероника молчит – в это время она обычно выходит с работы. И тут же вспоминает, почему Софи может ей звонить.

– Я в студии, – глухо отвечает Вероника. – Прости. Я забыла про группу.

На другом конце – только шум улицы.

– Я сейчас приеду туда. Пожалуйста, извинись перед Альбертом за меня – я, наверное, немного опоздаю.

– Хорошо.

Вероника бросает смартфон на диван, бежит в ванную мыть руки, а подсознание при этом замечает – краски засохнут. Но у Вероники нет времени отмывать палитру. Она выскакивает из студии, мчится по растворившейся в мягких сумерках улице, взлетает по лестнице на платформу трамвая и успевает вскочить в вагон перед самым закрытием дверей. Вероника опаздывает совсем не намного – группа только началась, когда она вбегает в просторный зал с низко висящими лампами дневного света и столами, разделенными прозрачными звукопроницаемыми перегородками. Оглядывается в поисках одиноко ожидающего ее Альберта – и видит его в паре с Эдит. Вероника смущается – неужели она перепутала недели? Но Альберт обычно проводит терапию Оливии, а не Эдит, и Эмили сидит сейчас напротив Джорджа, а не ждет Веронику.

Она увидела его в тот же момент, когда еще раз пересчитала недели и точно убедилась, что ничего не перепутала. Очки, джемпер, улыбка... Вероника попятилась к двери, очень надеясь, что ее еще никто не успел заметить. Потому что приступ повторялся – тот самый приступ, который она сегодня уже победила при помощи «Спаркла». Этого не могло быть, этого никогда раньше не случилось – Вероника спокойно жила неделями, а иногда и месяцами после приема таблеток. И никогда раньше приступы не были столь сильными, как сегодня днем – и как сейчас. Вероника нащупала за спиной ручку двери и выскочила в прохладный пустой коридор. Из соседней двери доносилась ритмичная музыка – там проводили занятия по тан-

цам, а чуть дальше нестройный хор голосов повторял фразы на испанском. Вероника быстро пошла к выходу, стараясь при этом ступать неслышно, как будто ее мог кто-нибудь поймать и попытаться остановить...

– Ника!

Она резко обернулась, и ее чуть не вывернуло наизнанку – Тим вышел из зала, осторожно прикрыв за собой дверь. Вероника вновь заспешила – теперь желание поскорее покинуть здание превратилось в абсолютную физическую необходимость. Только бы добраться до улицы, а там идти, идти, идти...

– Ника! – голос раздался совсем рядом, Вероника сжалась и снова инстинктивно обернулась – мысль о том, что он прямо за спиной, была совершенно невыносимой. Он стоял совсем рядом, в паре шагов, и Вероника тут же опустила взгляд, чтобы не видеть умных стекол очков.

– Посмотрите на меня.

Она помотала головой, пытаясь стряхнуть подкатывающую тошноту.

– Ну! – рука схватила ее за подбородок и больно дернула вверх.

Стекла были совершенно прозрачными, а глаза – абсолютно серьезными.

– Идем, – бросил Тим.

– Куда? – на автомате спросила Вероника, но ноги уже следовали за ним по мягкому бежевому ковровину холла – Тим шел к выходу. На улице он схватил Веронику за рукав и подтащил к ближайшей скамейке у Городского дерева. Усадил рядом с собой, залез в карман джинсов и достал маленький пакетик с грязно-розовой таблеткой.

– Держите.

– Что это?

– Мидониум.

Вероника с опаской посмотрела на очки. В них отражались фонари, подсветка витрин, вывески и ее бледное лицо.

– Супрессив быстрого действия. У вас, в Зоне, его не выписывают, я знаю, – Тим повернулся к ней, так что за отражением стали видны серые глаза.

Они улыбались.

– Это не первый раз. Когда я вижу человека, принимающего «Спарк», – мягко добавил он.

II

1

Сквозь высокие окна в офис вливается молоко – солнце скрыто за плотной пеленой облаков, и свет растворяется в воздухе вместе с тенями, очищая огромное пространство офиса, делая его серым и стерильным. Но Вероника видит не просто серый свет – для нее он переливается перламутром тончайших оттенков, в нюансах которых скрывается деликатная эстетика полутонов. Даже в сером она может видеть цвет. И теперь это совсем не опасно.

«Мидониум» творил чудеса. Там, где раньше Веронике приходилось балансировать на грани, выплескивая на холст избыток энергии, пока возможности полотна не иссякали, и оно не отторгало калейдоскоп смущенного сознания, теперь удавалось увидеть гармонию, услышать тишину, почувствовать равновесие. Вероника стала больше заниматься графикой – лаконичная и при этом живая история линии стала занимать ее сильнее спонтанного буйства красок. Да, конечно, точно так же, как и раньше, иногда что-то подкрадывалось, сдавливало изнутри и выворачивало наизнанку хрупкий порядок ее души, гнало Веронику прочь от людей, в тихий полумрак ее студии – но вместо ядовитых оранжевых таблеток она могла выпить одну розовую, и приступ проходил тихо и бесследно. Картины из «Спаркла» стояли у стены, стыдливо отвернувшись, и Вероника не жалела о том, что не продолжает цикл. Он слишком дорого ей обходился.

«Супрессив» доставал Тим – он мог заказывать его у себя дома, за границей Зоны, и получать по почте. По вторникам вместе с доверительной беседой Вероника получала маленький пакетик, обещавший, что равновесие и впредь не будет нарушено. Что она больше не будет сходить с ума.

По правилам группы Вероника должна была бы задавать вопросы, а Тим – отвечать, но чаще всего все происходило наоборот. Любые ее попытки действовать по алгоритмам «Узнай себя» оканчивались ничем, а каждый его вопрос заставлял ее говорить о том, о чем никогда не узнали бы ни Эмили, ни Софи.

– Как ваше самочувствие, Ника? – спрашивал он.

Очки смотрели внимательно и при этом оставались совершенно непроницаемыми.

И Вероника, вместо того чтобы ограничиться вежливым ответом, зачем-то начинала рассказывать, объяснять, описывать – а он слушал, как будто это и впрямь было ему интересно.

– Почему я всегда отвечаю на ваши вопросы? – спросила она как-то раз после очередного долгого рассказа, во время которого Тим кивал и уточнял с вниманием профессионального психотерапевта.

– Я – журналист, – усмехнулся он – стекла очков блеснули. – Должен уметь правильно задавать вопросы.

«Интересно, если я – художник, – думала потом Вероника, идя рядом с молчаливой Софи, – то что я должна уметь?»

Она почти ничего не знала о нем самом. Это были отдельные мазки, разрозненные фрагменты картины, и Вероника дописывала ее на свой страх и риск, не зная наверняка, угадает ли она истинный цвет и композицию полотна. Она пыталась разложить его на палитру, линию и свет, как делала это всегда, когда пыталась с чем-то разобраться: если ей удавалось запечатлеть «Спаркл», должно было получиться и с Тимом, освободившим ее от наркотика – и в конце концов она обнаружила себя напротив полотна с недописанным лесом.

– Как самочувствие? – спросил Тим на следующей встрече.

– Я начала писать лес, – осторожно ответила Вероника, слегка ссутулившись.

Тим поднял брови:

- Вы когда-нибудь видели его?
- Только на экране. А вы?
- Я вырос в лесу, – блеснул он стеклами.
- И какой он?
- Бесконечный.

На следующий день Вероника пришла после работы в студию и оставалась там допоздна – она, наконец, поняла, что делать с задним планом, который никак не давался ей раньше. Допи-сав картину, она поставила ее у стены, открыла бутылку вина, порезала солнечные помидоры и жирные шарики «моцареллы», села на пол напротив «Леса» и долго смотрела на него.

Две недели спустя Вероника пришла на встречу группы чуть раньше, заранее загрузила на смартфоне «Узнай себя» и стала ждать.

– Как самочувствие? – Тим отодвинул стул и вытянул под столом ноги. Вероника улыб-нулась и покачала головой:

- Здесь моя задача – задавать вопросы.
- Стекла очков потемнели, и Тим бросил:
- Хорошо.

Пятнадцать не отвеченных вопросов и еще один поддельный отчет спустя Вероника закрыла приложение, посмотрела на Тима и заглянула сквозь стекла прямо в глаза:

- Вы ведь работаете не в компании?
 - Нет, – согласился он.
 - Тогда зачем сюда приходите?
 - Вам же нужен мидониум? – то ли ответил, то ли спросил Тим.
- Вероника снова покачала головой и выпрямила спину.
- Нет, спасибо. Я обойдусь.
 - Как? – он вскинул брови. – Снова подсев на «Спаркл»? Он не поможет.

Вероника встала.

– Моя сессия через неделю с Эмили, и у меня есть Софи. Мы разберемся с тем, что мне поможет, спасибо.

– Как? – повторил Тим, поморщившись. – Вы же не...

Он не договорил.

– Не что?

– Не важно, – Тим тоже поднялся. – Может быть, я и ошибаюсь.

Он ушел сразу же – что было очень кстати. После окончания группы Вероника подошла к Кэтрин и попросила больше не ставить ее слушателем к Тиму.

Но тот больше не приходил. Две недели спустя Вероника сидела напротив Альберта, слушала его долгие подробные ответы, задавала уточняющие вопросы и чувствовала, что наконец-то делает то, что должна.

2

– Я рада, что ты снова слушаешь Альберта, – сказала Софи между первым и вторым глотком кофе, продолжая просматривать новости в очках. – Мне не нравился тот тип из штатов.

Вероника подняла голову и уставилась в темные стекла.

– Почему?

Очки посветлели, и Софи встретила с ней взглядом.

– Потому что из штатов, потому что не из «чистых». Потому что мужчина, в конце концов!

– Альберт тоже мужчина, – возразила Вероника и тоже глотнула кофе. Он горчил.

– Ты ведь понимаешь разницу, – нос Софи слегка сморщился – так она обычно делала, убирая на кухне последствия кулинарных изысков Вероники. – Тот тип. . .

– Тим.

– Окей, Тим – он *мужчина* мужчина.

Вероника подняла брови.

– И что это должно означать?

– Ох, Вероника, – Софи вздохнула и снова наморщила нос. – Ты хоть что-нибудь знаешь о том, как живут люди за пределами Зоны?

– Что-то слышала, – тихо ответила Вероника, глотнув еще горького кофе. Обычно ей нравилось, когда Софи немного воспитывала ее – но не сейчас.

– Там почти никто не принимает супрессивы. Там женщины до сих пор *сами* рожают детей. И там мужчины с женщинами живут вместе!

– У меня тоже есть друзья, которые. . . – мягко начала Вероника, но Софи перебила ее:

– Твои богемные друзья – не показатель, Вероника. И они хотя бы выросли в Зоне и понимают, что это – варварство!

– Но ведь. . . – Вероника осмотрела стол – то ли в поисках сахара, то ли в поисках нужных слов. – Люди раньше везде так жили. Это естественно.

Софи фыркнула.

– Естественно! Естественно для человека жить в пещере и выбирать друг у друга из шерсти паразитов. Ты бы хотела жить так?

– Нет, – слабо улыбнулась Вероника, на мгновение представив, как Софи в идеально чистой пещере инспектирует ее волосяной покров и отчитывает за то, что она так себя запустила.

– Человечество развивается, эволюционирует, Вероника. То, что было естественно когда-то – ненормально сейчас. То, что у нас, «чистых», есть Зона – невероятное благо. Потому что мы, наконец, можем жить в обществе, полностью свободном от всех животных инстинктов.

– Ты все еще ешь, – напомнила Вероника на всякий случай.

Софи опять фыркнула – но уже не так ехидно.

– Значит, есть к чему стремиться. Налить тебе еще кофе?

Вероника протянула кружку. Она по-прежнему пыталась найти слова, которые могли бы объяснить Софи, почему даже еда – не примитивный атавизм, а очень важная вещь, – но не могла. Вместо этого она положила сахар в кофе и долго размешивала его, глядя, как крутится коричневый водоворот внутри белоснежного стеклопластика, покрывая стенки кружки тонкой пленкой темного налета.

3

Молочный свет заливает студию – идеальное освещение, в котором краски обретают свои истинные цвета, избавляясь от обманчивой жизнерадостности солнца и мертвенной бледности ламп. Такие мгновения очень ценны, их обязательно нужно использовать, но Вероника вот уже почти целый час стоит у стенного шкафа, глядя на деревянную шкатулку. В ней лежат две таблетки «Спаркла» – Джейкоб оставил их месяц назад, несмотря на все протесты Вероники. Просто положил на банкетке у входной двери, не взяв денег, и у нее не хватило духу их выкинуть. «Спаркл» стоил недешево.

И вот теперь она смотрит на шкатулку, пока дышать становится все труднее, и прокликает себя за то, что поссорилась с Тимом. У нее было решение, был «мидониум», который снимал приступы – почему она отказалась от него?

С другой стороны – почему она решила, что «мидониум» лучше «Спаркла»? Чем одна розовая таблетка лучше двух оранжевых? Тем, что она одна? И то, и другое влияет на организм, меняет естественные процессы в нем...

Вероника резко захлопывает дверцу шкафа и глубоко вздыхает, пытаясь успокоиться. Воздух горчит, как до того кофе, и она идет к маленькой кухне налить себе воды. Тяжело опирается на обшарпанную столешницу – натуральное дерево потемнело и вздулось вокруг раковины, лак стерся в том месте, где раньше стояла кофемашина.

Как люди живут там, в штатах, не принимая супрессивы? Что делают, когда их вот так скручивает? Терпят? Или решают проблему так же, как Джейкоб и остальные ее друзья? Или такое бывает только с «чистыми», и у других людей приступов не бывает?

Конечно, Вероника прекрасно знает, как живут люди за пределами Зоны. В конце концов, Софи права – ее друзья были богемой. Они смотрели фильмы из тех, что нельзя было найти в онлайн-библиотеках, они знали, что такое секс. Далеко не все на собственном опыте – многие, как Вероника, никогда не заходили дальше «Спаркла». И многие, как и она, боялись и совсем не хотели знать больше того, о чем шептались когда-то в общежитии колледжа. Этот мир был неизвестным, неловким, пугающим – Вероника с радостью не имела бы с ним ничего общего, если бы не приступы. И с завистью смотрела на Софи, всю жизнь принимавшую супрессивы и чувствовавшую себя прекрасно.

Вероника берет стакан, поворачивается к высокому окну и рассматривает воду на просвет. Она тут же заполняется белым молоком с тонкими росчерками импостов – три расплывчатых дуги и строгая прямая вертикаль. Вероника подносит стекло к губам и медленно, осторожно пьет. Холодная вода течет за грудиной, наполняет желудок кристальной чистой – тошнота понемногу отступает, в голове проясняется, дышать становится легче. Вероника делает еще несколько глотков, отводит руку в сторону, а затем швыряет стакан об пол и громко кричит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.